

Второй день, как и первый, начался с рева и зова родителей. Однако вскоре это прошло, желудочек потребовал свое. Он поел все, что можно было поесть, даже хлеб после мышей. Набравшись сил, он стал впервые действовать – бил во входную дверь, надеясь, что кто-то услышит. Устав, он направился в другую сторону – к окну. Да, здесь табу – отец с самого детства его учил, что к окну подходить нельзя – выпадет, а еще спички трогать нельзя, а то мог бы он, как ему кажется, и печь затопить.

После обеда, ближе к вечеру, он нашел в шкафу много конфет, печенья, даже варенье. От этого его настроение

значительно улучшилось, и его даже потянуло играть в машину. Но это было недолго. К сумеркам он вновь заревел, вновь стучал в дверь, и вновь жара была невыносимая, и он, помня, что к окну подходить нельзя, все же вспомнил, как отец легко резал ножом клеенку.

Свежий воздух ворвался как благодать, и он, позабыв обо всем, бросился к окну, а оттуда – шум жизни, шум города.

– Папа, мама! – даже сильнее прежнего кричал он на улицу, но жилье ныне находилось на отшибе, люди крайне редко сюда заглядывают, а проезд транспорта и вовсе перекрыт.

Ночь отогнала его от окна, и тут он нарушил еще один запрет – зажег свечу. Но кричать не смел, залез под одеяло, и только личико наружу, пока свеча на печи полностью не догорела, вглядывался в нее, думая, что из огня родители появятся, а как огонь погас, он не как прежде, а тихо-тихо заскулил, поглубже укрылся и только изредка звал: «Папа! Мама! Вы ведь обещали вернуться! Почему не забрали меня?»

Вторая ночь оказалась плачевнее во всех отношениях – он не только вспотел, но и испачкал постель. Это его очень расстроило, ведь его всегда хвалили за аккуратность. Он хотел было навести порядок, даже постирать, в итоге испачкал и ванную, да еще истратил ведро воды. А к этому еще одна напасть: он стал часто бегать в туалет. Вновь ел сладости, и его даже вырвало.

К обеду ему стало совсем плохо, заболел животик, и, несмотря на жару, было очень холодно, ломило мышцы. Совсем тихо, жалостливо скуля, он лег на диван и, корчась на нем, все звал мать и отца. И теперь просил только одного – воды!

Проснулся он ночью от нестерпимой жажды. Кругом – гробовая тишина и темнота, и лишь в туалете, где вода, что-то изредка копошится, наверняка крыса, и он все не

решался туда пойти. А жажда тянет, голова и живот болят, и он уже было встал, как вдруг с улицы послышались шум, крик, выстрел, а потом очередь, взрыв – и еще взрыв, совсем рядом, так, что вся комната озарилась. И как начался ни с того ни с сего этот шум, так же и оборвался – и снова тишина, и даже твари разбежались, а он долго ждал, вслушивался и, когда понял, что шорохов вроде нет, осторожно, на ощупь, двинулся в ванную. Долго искал кружку, а потом жадно, причмокивая, пил эту и без того несвежую, уже пропахшую чем угодно сунженскую воду.

На следующее утро он проснулся поздно, весь в жиге, а вокруг роится новая живность – жужжат мухи, стены все в комарах. Сам он весь в волдырях и, быть может, не встал бы, даже открывать глаза тяжело, да рот буквально пересох. Смертельная жажда потянула его в ванную, а там, у самого ведра, та огромная крыса с ужасно длинным хвостом, на задних лапах стоит, уже морду в ведро просунула; увидев Мальчика, соскользнула, не с испугом, а с ленцой отползла, вроде скрылась из виду.

Ступил было Мальчик за порог ванны, уже хотел кружку, упавшую на пол, поднять, как в последний момент, согнувшись, увидел в упор маленькие, наглые хищные глаза. Ему показалось, что тварь уже готова на него броситься, он с криком отчаяния качнулся назад, отпрянул, о порожек споткнулся, полетел в коридор и без того большую головку ударил об стенку. И, может, в другое время так бы и полежал, плача и стоная, но на сей раз страх перед мерзостью оказался сильнее. Вглядываясь в ванную, он попытался сесть, а, к его ужасу, крыса даже не шелохнулась, а наоборот, чуть двинулась вперед, алчно принюхиваясь, и уже на порожек положила лапку, и Мальчик еще потрясенно попятился, до того эта лапка была похожа на человеческую в миниатюре, точь-в-точь такая же, как на эскизах к сказкам в Доме пионеров.

А крыса, нагло водя усиками, сделала еще шаг навстречу, и тут он не выдержал, из последних сил истощенно заорал. Крыса исчезла, он бросился в комнату, даже залез на стол. Но это долго продолжаться не могло, его мучила жажда. Видимо, то же самое творилось и с крысой, потому что в ванной вновь начались знакомые шорохи.

И тут Мальчик ожил, что-то в нем всколыхнулось, он хотел пить, он хотел жить, он не хотел уступать последние глотки воды никому. Конечно же, он еще не знал, но только так в жизни и бывает, это и есть война за ареал существования у живых существ.

Сойдя со стола, он стал искать орудие атаки и обороны, хотя средств вроде бы было много, он взял швабру – надо все же держать в битве дистанцию...

Он выбрал позицию и приготовился, глядя во все глаза, и ждал бы долго, да долго стоять не пришлось. Не обращая внимания на Мальчика, крыса шмыгнула, ловко вскочила на ванну, противно царапая отполированную глазурь, быстро пробежалась по узкой боковине и, уже не осторожничая, сразу же встала на задние лапки, и еще бы миг – прыгнула бы в ведро, как Мальчик пошел в атаку. Ведро с подставки шумя опрокинулось в ванну, крыса исчезла, вода утекла, а на дне – немалодохлых мух, упавших в то же ведро.

Мальчик был потрясен, он уже не думал о родителях, ни о чем не думал, он хотел только пить.

– Дайте воды! Я хочу пить! Выпустите меня отсюда! – срываясь на писк, он завизжал, стал бить ладошками в дверь, обессилев, бросился к окну и, махая рукой, практически полностью вылез наружу, готовясь сделать шаг к недалекой реке, шума которой из-за городской жизни даже не слышно, как услышал за спиной стук, еще сильнее стук, окрик на чеченском.

Стрелой он бросился к двери.

– Мальчик, ты здесь? Как ты туда попал? Не шуми! – полушепотом говорили из-за двери.

– Спаси меня, помоги! Я хочу пить! Пить!

– Хорошо, больше не шуми. Потерпи маленько. Как стемнеет, я вернусь.

– Нет! Нет! Спаси меня! Не уходи! Ради бога, спаси!

– Хорошо, хорошо, – за дверью голос не менее напряжен. – Только отойди от входа. Подальше отойди.

Об дверь что-то ударилось, еще раз, аж пыль и штукатурка посыпались, но это ничего не изменило. Тогда в ход пошло что-то иное, видимо, ноги – дверь не поддалась.

– Мальчик, слышишь, Мальчик, буду стрелять, в сторону уйди, спрячься, – теперь за дверью кричат в полный голос.

Мальчик заковылял в маленькую комнату, где они не жили, и только сел на корточки, зажав, как учили, уши, начались выстрелы; хлесткие, одиночные, оглушительные. Потом снова удар – и, словно крыша, обвалилась пыльная волна.

– Где ты?

Его коснулись грубые, но теплые руки.

– На, пей.

Только тогда Мальчик раскрыл глаза, обеими руками вцепился во фляжку и сунул горлышко сквозь вспухшие, потрескавшиеся, посиневшие губы – так, что зубки заскрежетали.

– Не торопись, не торопись, – сдерживал и одновременно успокаивал его молодой обросший мужчина.

Взахлеб, чуть ли не подавившись, Мальчик почти сходу высосал половину содержимого. Упершись взглядом лишь во фляжку, недолго передохнул и вновь жадно к ней прилип, и только чуточку не допив, утолив жажду, он выронил ее из рук и сам, как подкошенный, упал.

– Ой, ой, ой! – все это время сокрушался бородач. – И кто ж тебя так, дорогой? Кто? Ясно кто – война! А ну, давай, – взял он ребенка на руки, перенес в обжитую комнату, ища место почище; кроме стола, ничего не нашел, и

будто это стол операционный: он бережно положил его и стал скидывать грязную одежку, все время озираясь на дверь, наготове держа автомат.

Потом военный нашел в шкафу чистую простыню, укуптал в нее Мальчика, а тот уже в забытьи, стонет, что-то бормочет.

– Дела¹, что я с ним буду делать? – заметался по комнате мужчина, выглянул в окно, потом сбегал в подъезд. – Ведь он весь горит! В жару! Его спасать надо!

Взяв бережно Мальчика на руки и держась стеночки, пошел вверх по лестнице.

– Воды! Воды! – стонал Мальчик, его головка в беспмятстве перекатывалась по широченному плечу боевика.

– Дела, что я делаю? – тут, наверное, впервые бородач внимательно в упор глянул на Мальчика: – Какое создание, просто золотой, – и, продолжая словно сам с собой разговор, уже строго: – Что я делаю? Ведь он будущее, а я что, не сегодня-завтра труп, в этом доме уже сутки, как в западне. Ну уложу я еще двоих-троих, ну и что? Им счету нет. А вместе со мной и ребенка могут грохнуть.

Он подошел к разбитому оконному проему, слегка выглянул, потом еще раз, и тогда чуть отпрянул.

– Эй вы, идиоты! Слышите меня, недоноски?! У меня еще огромен боезапас, но здесь ребенок, больной! Я сдаюсь! Слышите? – он выстрелил в воздух, отчего Мальчик открыл глаза. – До ночи бы я продержался, а там бы – вот вам! Но я сдаюсь, выхожу, со мной ребенок, он очень болен.

Тяжело и часто дыша, читая молитву, бородач медленно стал спускаться. А Мальчик неожиданно ощутил какую-то знакомую перемену во всем, и ему почему-то захотелось посмотреть в глаза бородача. Подняв головку, сфокусировал на бородатом взгляд: на лице густая, черная с сединой щетина, кожа сморщена, выжжена,

¹ Дела (чеченск.) – Бог.

даже в поры глазниц въелись пыль, пороховая гарь, и лишь глаза горят, широко раскрытые, уже отстранены от мира сего, смотрят вроде в никуда, точь-в-точь как в последний раз у матери, и почему-то поняв, что он с этим дядей тоже скоро навсегда расстанется, он прильнул к нему, уложил шейку на крепкое плечо и тут ощутил запах его тела, запах смерти и войны. И, неведомо почему, он потрогал его щетину, чтоб тот услышал, и тихо, на ухо, прошептал: «Скажи папе и маме – я их здесь жду!» Бородач ничего не ответил, правда, словно понимая, кивнул; у самого выхода глубоко, надсадно вздохнул, вяло ступил на улицу.

– Не стреляйте, пока не стреляйте, – он поставил осторожно Мальчика у стены, сам быстро отошел.

– Брось оружие! Ложись! На землю, тварь! – раздалось со всех сторон.

Он бросил автомат, захохотал дрожа и вдруг рванул в другую сторону; многочисленные очереди на лету швырнули его к стене, пригвоздили, сотрясали тело... но этого Мальчик уже не видел и даже не слышал, у него подкосились ноги.

Урывками, словно сквозь пелену тумана, помнил Мальчик, как его несли на руках, везли на очень жесткой грязной, а потом мягкой тихой машинах. И где-то он спал в тишине. А проснулся от гула, и все трясло, летало, бросало, и его стало тошнить, стало совсем плохо.

– Проснись, проснись, золотой! – какой-то нежный, грудной голос на русском; глядят его по головке. – Ну, пора, пора, просыпайся.

Новый мир, тишина. А перед ним – очень доброе, красивое, румяное лицо; ласковые васильково сияющие искренние глаза; и, как и белоснежная кожа на шее, вся она в белом, и все вокруг в белом, лишь ароматные полевые цветы в вазах пестрят, еще более украшают вид, наполняя маленькую комнату уютом, теплом и любовью.

Любовь! Так и звали эту красивую молодую женщину, и, видимо, все ее любили, все офицеры дарили ей цветы, но, как заметил Мальчик, только у одного, у какого-то молоденького, тоже еще румяньего, она брала цветы с удовольствием и потом, оставшись одна, тайком с наслаждением нюхала.

– Люба, ну Любовь Николаевна, давайте пойдём в кино, – приглашали ее женщины каждый вечер, а мужчины звали в бар, но она, ласково улыбаясь, всем отказывала: теперь по вечерам у нее появилось другое, очень приятное занятие; она купила Мальчику велосипед, и во все свободное время шло освоение техники: во всем гарнизонном госпитале один ребенок, и все внимание на них.

– А что, похож, даже очень похож, – подтрунивали над ней женщины.

– А может, где нагуляла? – полушутя говорили офицеры.

А Любовь Николаевна счастлива, радость свою скрыть не может, часто поглаживает золотистые кудряшки Мальчика, шепчет ему или сама себе:

– Вот не ждала не гадала, а сын появился, усыновлю. Неужели?! – и она со страхом прикрывала рот, оглядывалась и потом частенько поглядывала на часы, к ночи ее настроение портилось, они шли домой.

Дом – это небольшой кабинет старшей сестры-хозяйки, где теперь вместе с Мальчиком днюет и ночует Любовь Николаевна. Перед сном они пьют чай со сладостями, обязательны фрукты, в это время каждый вечер смотрят «Спокойной ночи, малыши». Потом она его купает, укладывает спать в кровать и что-нибудь детское читает, со все тускнеющим голосом, часто смотрит на часы и говорит: «Теперь спи, спи, дорогой! Спокойной ночи!». И почти каждую ночь в коридоре слышатся твердые шаги, и, не стучась, дверь дергают, она открывает, Мальчик уже отворачивается и действительно пытается заснуть, а комната наполняется непонятными, не очень

хорошими мужскими запахами, и хоть говорить он пытается тихо, а голос командный, грубый, властный.

– Ну подождите, он еще не заснул, – каждый раз слышится умоляющий голос Любви Николаевны. Они еще пару раз что-то разливают, шелестит фольга. – Не курите, пожалуйста, не курите, ребенок!

– Тогда давай побыстрей.

После этой команды раздвигается диван, тушится свет, вот тогда Мальчик и засыпает.

Иногда он просыпается среди ночи от шума воды, это Любовь Николаевна долго принимает душ. Потом ложится на свой диван и беспокойно ворочается, сопит, и если начала, как обычно, плакать, то вскоре переберется в кровать к Мальчику, чего тот так хочет, и, думая, что он спит, сквозь всхлипы горячо целует, обнимает, что-то, будто заклиная, повторяет.

Наутро диван всегда прибран, все блестит, будто и не было ночи, и она будит его, всячески лаская, зовя к завтраку, предрекая праздничный день. Думалось, что так будет всегда, и становилось даже лучше, по ночам никто не приходил, на часы Любовь Николаевна не смотрела, и казалось, еще более расцвела, стала еще счастливее и красивей. Да это вдруг вмиг оборвалось.

Как-то поутру прибежала Любовь Николаевна вся в слезах, бросилась ничком на кровать, рыдает. Следом женщины:

– Успокойся, Люба. Кобель – он и есть кобель.

А еще погодя появился пожилой офицер в усах, за ним молодая, высокая, стройная особа, одетая как в кино.

– Гм, гм! – кашлянул офицер в кулак, еще долго выправлял усы. – Любовь Николаевна, извините, тут дело такое. Приказ есть приказ. Вот новая старшая сестра-хозяйка.

– Это не новая сестра-хозяйка, – вдруг вскочила Любовь Николаевна. – Это новая шлюха, как я.

Молодая особа грубо огрызнулась, женщины чуть не сцепились, их разняли. Все ушли. Появился другой офицер, более молодой, но, как понял Мальчик, тоже из командиров.

– Я десять лет служу, я десять лет мотаюсь по гарнизонам всей страны и мира, – уже более сдержанно говорила Любовь Николаевна, – и неужели я так и не заслужила даже однокомнатной квартиры хоть где-нибудь, хоть на Камчатке!

Офицер тоже что-то говорил, в конце развел руками и ушел. Еще один день Любовь Николаевна не сдавала позиции, а потом пришел он. Мальчик никогда его не видел, да сразу узнал по шагам в коридоре. Учужа его издалека и Любовь Николаевна, напряглась, насупилась.

– Люба, Любушка, – вкрадчиво начал военный. Это был грузный, крепкий, уже в возрасте человек, с очень густыми бровями на смуглом лице.

– Не надо при ребенке, – отстранилась она от его ласк. – Давайте выйдем в коридор.

Вначале слышалось только «бу-бу» мужское и тихое женское, а потом голоса стали выше, и уже все слышно.

– Ну что ты ко мне пристала, что ты ревнуешь, что ты мне, жена, что ли?

– В том-то и дело, что не жена. Но вы со слезами на глазах обещали обо мне всю жизнь заботиться. «Дозаботились» – десять лет за собой шлюхой возите. А теперь постарела, другие есть; чтоб избавиться – в Чечню, на фронт. И я рада, я рада вас всех не видеть, но вы мне сколько лет уже квартиру обещаете?

– Это не в моих силах!

– Как не в ваших? – перебила она. – А у вас, как я знаю, на каждого ребенка по квартире, и еще две в Москве, в запасе.

– Ну-ну, ты в мои семейные дела не лезь.

– А мне уже тридцать, у меня мать.

– Что-то ты прежде о матери не говорила. Короче, ты еще военная, мы в прифронтовой зоне, на военном положении. Или ты выполняешь приказ, или...

– Александр Вячеславович, Саша, я замуж хочу.

– Ну и пожалуйста, только как медовый месяц – горячую точку – Чечню, потом женись и квартиру получишь.

– Саша!

– Уйди, отстань. Тоже мне, от какого-то летехи цветочки берет, а может, и рога мне наставила.

– Постарела я, постарела, надоела! Сознайся!

– Замолчите! Приказываю!

– Александр Вячеславович, памятью отца. Пожалуйста!

– Не трожь! Отставить! Ты три квартиры прокутила, все курорты объездила.

– У меня ведь ребенок, пощадите!

– Что? Этот!.. А при чем тут ты?.. Два часа на сборы, борт будет в десять нуль-нуль. А с ребенком государство разберется.

Буквально за один день эта женщина резко изменилась, особенно глаза, ставшие из васильковых, задорных – озабоченными, выцветшими.

– Вы моих папу и маму увидите, скажите, что я их жду, – вдруг выдал Мальчик, вглядываясь в ее лицо.

– Откуда ты знаешь, что я в Чечню?

Он молчал. Она обняла его, стала целовать, но и губы у нее тоже стали жесткими.

– Скажи хоть, как тебя зовут, как твоя фамилия и где тебя я буду искать?

– Я вас сам найду.

– Ты-ы?

Она отстранилась, еще громаднее стали ее глаза, взгляд далеко уполз.

– Любовь Николаевна, обходной, – в дверях появилась медсестра.

– Да да, я сейчас, – она встала, двинулась к двери, обернулась. – Я вернусь, попрощаюсь.

Больше он ее не увидел. Через пару минут пришел какой-то офицер, не дал забрать даже велосипед, взял его за ручку и повел через весь плац в другой корпус, там он попал «под заботу государства».

Эту ночь его никто не кормил, спал он на нарах под шинелью. А на следующее утро тот же офицер его куда-то отвез, и там были люди в форме, как у его отца, – милиционеры, они тоже его весь день не кормили, а все допытывали, как зовут, чей, откуда и прочее. Потом много раз фотографировали, даже пальчики черным мазали. А он все плакал, горестно сопел, просил пить, к вечеру его накормили, посадили в поезд с толстой тетенькой, которая раньше него храпеть стала. И через день он попал к детям, таким худым, исподлобья странно глядящим. Это был детский дом, но почему-то сами дети называли это место колонией.

Мальчика сразу же обрили налысо, переодели в грубую, мрачноватую одежонку, и стал он как все дети – худым, головастым, напряженным, и лишь глаза, эти голубые вдумчивые глаза, стали казаться еще больше, еще печальней, еще загадочней.

Здесь тоже первый день начался с анкеты, и, думая, что Мальчик не понимает языка, а может, и вовсе скрытничает, на девичьей стороне нашли переводчицу, долговязую, рыжеватую девчонку лет десяти, которую по-местному называли Зоя. Именно благодаря Зое появилось имя Мальчик, так и пошло, до выяснения данных... И кроватку ему выделили самую старую, перекошенную, в сыром углу. А на ужине старшие ребята хлеб отобрали, перед сном туалет заставили мыть.

Вот чего Мальчик не мог и не хотел, он хотел спать. В эту первую ночь его сильно били. Он плакал, орал, а его еще пуще били. Вдруг в полумраке коридора все разбе-

жались, а перед ним – длинная, худящая воспитательница в очках.

– Это кто здесь вой на всю округу поднял?

Она с силой схватила за ухо Мальчика, приподняла и швырнула ребенка в угол:

– Чтоб до утра стоял! И не пищи, звереныш!

Она ушла в свой кабинет, потушила свет.

Мальчик уже долго стоял, все еще всхлипывал, устал, сильно хотелось спать, и в это время к нему подошел ровесник:

– Меня Дима зовут. Давай дружить, – он погладил Мальчика по руке, – а плакать здесь нельзя. Особенно в смену Очкастой. Но ты стой, она скоро выйдет, и, если еще будешь стоять, она тебя спать отпустит.

Может, Очкастая и вышла скоро, но Мальчик уже спал, свернувшись калачиком на полу. Гнев воспитательницы был безмерным, еще пару раз, полусонный, он стучался о стенку, так что не только ухо, но все тело заныло. Завыл он, тихо, очень тихо, и звал в тоске папу и маму. Родители не пришли, пришел тот же Дима:

– Пошли, иди спать, больше она до утра не выйдет. А утром тебя и не вспомнит, домой убежит.

В следующие два дня были другие воспитательницы, очень добрые, внимательные, и в обиду никого не давали. Так что Мальчик чуточку ожил, даже в компьютер дали поиграть, а это такое чудо! Все горе позабудешь! Да эта печальная идиллия длилась недолго. Прямо по телевизору стали показывать другую игру – боевик, где чеченские террористы какую-то больницу с заложниками захватывают.

Тут не до компьютера, дети вслед за политиками выдумывают свою игру, и разумеется, что все детдомовцы-кавказцы становятся «террористами», а остальные – «российский спецназ». Понятное дело, Мальчик в малочисленном лагере «террористов», и, чтоб игра носила ярко выражен-

ный характер, на лице Мальчика прямо черным фломастером рисуются борода и даже очки. Несмотря на то что в телевизоре итог иной, здесь, как положено, «террористов» захватывают и бьют, бьют жестоко, похлеще, чем в первую ночь, с применением спецсредств, благо что в эту ночь дежурит Очкастая, а она аж в восторге от игры: «Хоть здесь подрастает смена!»

На следующий день всех детдомовцев ведут в город, в цирк. Вывели за территорию, построили в два ряда, как положено – вперемешку с девчонками, ждут автобус. Зоя Мальчика с первого дня всего раз видела. Она подошла к нему, отвела чуть в сторону и на чеченском:

– Кто это тебя так? Что с тобой?

В это время подошел самый старший из подростков, по кличке Витан, и с ходу вlepил Мальчику ногой, как здесь говорят, увесистый «подсрачник».

– А-а-а! – завизжала Зоя и дикой кошкой ногтями вцепилась в лицо обидчика.

Они повалились, катались по асфальту и трое воспитательниц еще долго не могли девчонку оторвать. Витан в цирк так и не поехал, все лицо в крови. А в тот же вечер, неизвестно как, явилась та же Зоя с двумя рослыми подругами в мальчишеское расположение.

– Кто еще моего брата Мальчика пальцем тронет, – и она продемонстрировала что-то блестящее металлическое в руках.

С тех пор Мальчика не только не били, даже обходили стороной. Но жизнь от этого краше не стала, и он нередко, уединившись, потихоньку скулил, слезу пускал, сильно похудел, а в глазах – тоска, печаль, страх перед жизнью.

– Ты не плачь, не плачь, – иногда успокаивал его друг Дима. – Скоро все может измениться. Ты видел, нам уже примеряли новые рубашки и шортики. Это значит, появятся покупатели. Нас покупать будут. Мы можем уе-

хоть в прекрасные страны. Там иной мир. В том году моего друга Андрея купили, так он фотки прислал – класс, такого даже в кино не бывает.

– А где этот «иной мил»? – оживился Мальчик.

– Ночью покажу.

Как ни странно, в этом заведении Мальчик только ночи и ждал. Это было время, когда забывалось чувство вечно-го голода, человеческого безразличия и даже вражды, и снились сны, такие теплые, красочные, после которых серость пробуждения становилась угрюмой.

Однако в эту ночь Мальчик упорно не закрывал глаза, он страстно хотел увидеть «иной», нежели этот, мир. И тем не менее, как он ни крепился, а ночь свое взяла, и, если бы не Дима, так бы и проспал.

– Т-с-с-с! Не шуми, Очкастая только заснула. Тихо иди за мной.

Пригибаясь, будто за ними следят, они быстро миновали полумрак, где вразнобой сопели дети; кто-то во сне говорил, кто-то стонал. Потом был сырой коридор, здесь санузел, а напротив кабинеты, в них ночует Очкастая, и даже полный мрак, когда Мальчик совсем испугался и чуть ли не крикнул «Дима!». Но Дима настоящий друг, он вернулся, взял за руку и повел за собой, так как знал здесь все даже во мраке.

А вообще-то Дима был удивительный ребенок, он выделялся из всех, лучше всех учился, все знал, особенно компьютер, и даже в ночи, на ощупь, нашел нужный кабинет. От яркого света заслезились глаза.

– Это кабинет истории и географии у старшеклассников, но я здесь часто бываю, – полупшепотом объяснял Дима. – Вот смотри, это карта мира. Вот Европа, вот Америка, а это Канада. На худой конец, есть и Австралия, вот внизу. Это и есть иной мир, где люди живут. А мой друг Андрей вот здесь, видишь сапог – Италия. Страна не самая лучшая – и то как в раю, – чуть ли не задыхаясь от

восторга, продолжал Дима. – Так что делай, как все, и может, повезет, нас увезут в сказочный мир, и у нас появятся новые папа и мама.

– Как это «новые»? – во весь свой басистый голос возмутился Мальчик.

– Так у нас ведь теперь нет родителей, а есть шанс.

– Как это нет? – перебил Мальчик. – У меня есть папа и мама, и они обещали велнуться, и уже, навелное, ждут.

– Где ждут? Какой ты глупый, – уже в полный голос разошелся и Дима. – Мы с тобой сироты, понимаешь, круглые сироты, у нас никого нет.

– Есь! Есь! Есь! – заорал Мальчик со слезами на глазах.

– Тихо! Не кричи! – ткнул его Дима. – Слушай, ты будто маленький. Вот видишь, это наша страна, такая огромная, красная.

– А почему класная? – всхлипывая перебил Мальчик.

– Красная? Не знаю. Ну так слушай. Мы сейчас вот здесь – это Волгоград. А я жил в Краснодаре, и были у меня красивые и добрые родители. Так они в аварии вместе погибли. Еще в Краснодаре у меня есть бабушка, но она тяжело больна, вот я и попал сюда, в лучший детдом, в нашу колонию. А ты вот отсюда, из Грозного.

– Отсюда?! – впритык подошел Мальчик к карте и даже бережно погладил это место. – Как близко. И зачем нам в ту даль, в иной мир ехать, если мой дом так рядом!

Его влажные глаза расширились, заблестели, и, чуть ли не улыбаясь, словно задыхаясь от счастья, он взял за руку Диму:

– Ты знаешь, как у нас класиво! Вот там такой сладкий, сказочный «Детский мил», и все ешь, и даже папа и мама. И они станут и твоими папой и мамой, и ты будешь мой блат, мой лодной блат!

Улыбаясь во весь рот, он хотел было обнять Диму, но друг, опечаленно глядя, отстранился:

– Ты глуп, ты ничего не понимаешь, жизни не знаешь, а веришь в свои сказки. Там война. Там люди друг друга

убивают, и твоих родителей убили, а твой «Детский мир», о котором ты вечно говоришь, – сказка!

– Не сказка, это правда! – насупился Мальчик и, глубоко вдыхая, еще что-то хотел сказать, да Дима вскинул руками, и они услышали шум в коридоре, который до ужаса напомнил Мальчику крысиный.

Скрежеща, противно скрипнула дверь, настезь распахнулась, и в проеме на мгновение застыла Очкастая, будто принюхивалась, вздувая ноздри.

– Что это такое? – завизжала на все здание она.

Ближним к ней оказался Дима, и он что-то хотел было объяснить, да от неожиданного удара первым полетел под парты и застонал. А Мальчик уже был не единожды бит, и он обеими руками закрыл умело свою несчастную голову, чуть присел, выжидающе сгруппировался, от удара уклонился, только тот пришелся вскользь; да делая вид, что влетело, тоже покотился под спасательные парты.

Дима тихо заныл, из его рассеченного лба щедро сочилась кровь, видимо, поэтому их в угол не поставили.

А Мальчик из-под парты еще посмотрел на карту, в тоске выискивая Грозный и сказку «Детский мир», потом, с болью глядя на окровавленное лицо друга, даже брата, понял, почему их мир разукрашен в красный цвет.

На следующее утро был не завтрак, а пир, и ходила по столовой какая-то высокая, красивая женщина, от которой исходили диковинные цветочные ароматы.

– А это что такое?! Я спрашиваю, что это такое? – остановилась она около Димы и еще долго властно кричала – непонятно, то ли на детей, то ли на воспитательниц.

– Хозяйка в гневе, – шептались дети, и, когда выяснилось, что Диму в таком виде на просмотр не пускают, Мальчик определил, что это директор – Хозяйка.

После завтрака под внимательным присмотром всех воспитательниц дети стали переодеваться в новую, красивую одежду, и только Дима забился в дальний угол и

безутешно надрывно выл. Мальчик пытался его успокоить, но Дима отпихивался, еще громче, еще тоскливее рыдал.

А когда всех уже стали строить, с изменившимся, пунцовым лицом Дима побежал к Мальчику и, резко дергая за руку, заикаясь, полушепотом страстно зашептал:

– Хоть ты сумей. Улыбайся, прошу тебя, улыбайся там. Ведь ты не забудешь меня? Когда-нибудь заберешь с собой в тот иной мир.

Строем их провели в актовый зал, где уже сидели девочки, а на первых рядах Хозяйка и несколько незнакомых взрослых людей, которые даже внешне не походили на работниц детдома.

Оказывается, к этому празднику задолго готовились. Дети со сцены читали стихи, пели песни, танцевали. Мальчик – новенький и здесь не задействован, и только в самом конце, когда был общий хоровод, его тоже послали на сцену. А потом выстроили всех в ряд. И непонятные гости все ходили меж них, со всех сторон разглядывали, на непонятном языке тараторили.

А Мальчик, выполняя наказ Димы, все время пытался улыбаться, однако, когда эти люди надолго и окончательно остановились около него, улыбка исчезла, и он с ужасом смотрел на эту худую длинлицую даму в очках и на лысого краснощекого толстяка, которые в «ином» мире станут его родителями. И от этого ему стало так больно, так нехорошо, что он заревел. Но это уже ничего не решало. Выбор был сделан, «повезло» ему одному и еще двум девочкам.

А потом был невиданный доселе обед, на котором все дети, даже Дима, отчужденно исподлобья поглядывали на Мальчика.

После обеда тихий час, но Мальчика увели, и в большом красивом кабинете, где в высоком кресле восседала хозяйка, те же люди из иного мира закружились во-

круг Мальчика. Один из них, видимо, был доктором. По крайней мере, все время мило улыбаясь, что-то непонятное говоря, он деликатно раздел Мальчика догола.

– Говорят, что обрезан! – вдруг на русском чуть ли не вскричал какой-то молодой человек, которого Мальчик до этого и не заметил.

– Боже! – ужаснулась Хозяйка и даже привстала.

– Ничего, ничего, они даже рады, – с иным настроением продолжил тот же молодой голос.

В это время доктор заглядывал в рот, в уши, в глаза и даже в попку. Потом водил каким-то холодным прибором по животу и спине.

– Довольны, они очень довольны! – нервно пожимает руки молодой человек.

– Что-то очень привередливыми стали, – холодно отмечает Хозяйка.

– Кормить, кормить лучше надо, – голос молодой, – а то все серые, будто туберкулезники.

– Чем кормить?! Что государство выделяет, то и даем, а что выделяет, сам знаешь.

– Да-а, не от роскошной жизни весь этот бизнес.

– Какой бизнес! – вскочила хозяйка. – Раньше по пять, даже по десять брали.

– А этот Мальчик, видать, новенький, еще цвета не потерял.

– Да, новенький.

– Тихо!.. Нам повезло. Говорят, он просто породист. И даже картавит, как их высокородные... Эти американцы – миллионеры, хорошо поторгуемся, так что за десятерых отвалят.

В это время между «иными» людьми, их трое, начался очень громкий эмоциональный разговор со смехом, во время которого больше всех говорила длиннолицая, скуластая женщина. Именно она, сев на корточки, мило улыбаясь, стала сама, очень неумело и неуклюже, одевать

Мальчика, будто он сам не умеет, а краснощекий толстяк все ей прислуживал, тоже любезно улыбаясь, что-то непонятное, глядя в лицо Мальчика, говоря, и в конце оба его в щечки, еще официально, но уже с лаской поцеловали.

Далее – совсем неожиданное. Лично хозяйка за ручку выводит Мальчика за высокие стены колонии, и на очень красивой машине везут его куда-то, а там красочный магазин – вот это «Детский мир», и ему «иные» люди покупают новую одежду, потом ведут к игрушкам, – он молчит, и они сами покупают множество такого, что он даже не запомнил.

Следом они подъехали к какому-то высокому зданию, и здесь все им кланяются, двери раскрывают, и какая-то космическая кабина мчит их наверх, а там не комнаты, а залы, и такая роскошь, как в кино. И здесь не «иные люди», а многочисленная прислуга вновь раздевает Мальчика, его отводят в огромную ванную и очень долго отмывают в разных шипучих, сладко пахнущих пенах. После ванны его не могут одеть – уже куплено столько нарядов, что все выбирают, что же надеть вначале.

И вновь они в кабине, только теперь она плавно пошла вниз, а там их ожидают Хозяйка и тот услужливый, на всех языках говорящий молодой человек. А потом были огромный зал, такой же стол и еда, очень вкусная еда. И есть он хочет, очень хочет, особенно глаза, да в рот ничего не лезет, что-то распирает изнутри, а с обеих сторон сидят эти «иные» тетя и дядя, и все больше и больше гладят его, и все целуют, целуют, так что он от этих неожиданных ласк и внимания так устал, что тут же в объятиях то ли заснул, то ли отключился. И попадает он воочию в какую-то странную реальность. Он в родном «Детском мире», и этот мир совсем не сказочный и красочный, а весь разбит, грязен, сер и угрюм, и слышится вой бомб. Зато вдалеке, уже осязаемо, уже наяву, все более и более приближаясь, – пестрый, красочный,

сказочный мир, правда, люди там иные, неродные, хоть и улыбаются. А раскрыл он глаза – уже на руках краснощекого, и, действительно, рядом его пухлая цветущая щека, а хоть и спросонья заглянул Мальчик в его глаза, ничего не видно – очки бликуют стеклянные.

В тех же залах та же прислуга вновь облачила Мальчика в лучшие одежды детдома; попал он в теплые объятия Хозяйки, в машине заснул, а когда разбудили – мрак колонии. И, прижимая к своим пышным бедрам, Хозяйка опять отвела его в мальчишечью казарму, все уже спали, и она помогла ему тоже лечь, погладила по головке и приказала:

– Смотрите за ним, – самой доброй воспитательнице.

Больше Мальчик ничего не помнил, он очень устал, он хотел только спать. И вновь это странное видение: он в родном разбитом, грязном «Детском мире», а совсем рядом, недалече – «иной» сказочный мир. И он не знает, как быть, что делать? Но тут оставаться страшно, он уже слышит, он явственно чувствует, будто не одна, а множество крыс подкрадываются к нему и уже не только принохиваются, а трогают, даже начинают кусать его ноги и руки, и он хочет вскочить, хочет бежать в тот «иной» мир, и с трудом, с усилием, но делает порыв, шаг, другой, и вот он, «иной», красочный, сказочный мир. И вдруг в честь него салют, огни, огни – так, что все, даже под ногами, меж пальцами рук загорелось. Он вскочил, истошно крича, побежал по казарме, бился о кровати, табуретки, тумбочки, а огонь все горит, все жжет его. Наконец включился свет, он попал в объятия воспитательницы; все детдомовцы спят, не шелохнутся, и только Дима рядом, с перевязанной головой, и он, увидев обожженные руки и ноги Мальчика, заорал:

– Сволочи, гады! Вы будете вечно жить в этом мире, в этой красной стране, меж этих огней и крови!

А воспитательница на руках отнесла плачущего Мальчика в свой кабинет, уложила в свою кровать, стала спеш-

но звонить. Вскоре появился очень высокий мужчина в белом халате.

– Да, детская жестокость порой похлеще взрослой, – констатировал он, бегло осматривая конечности Мальчика. – «Двойной велосипед» – это когда меж пальцев рук и ног вставляются множество головок спичек и одновременно зажигаются. Обычно это применяют в тюрьмах, реже в армии. Но здесь, среди детей? И откуда им это ведомо?

– Колония, – тихо прошептала воспитательница.

– Ему нужно стационарное лечение, наверняка и оперативное вмешательство. Нежная кожа очень уязвима.

– Так отсюда вывозить детей нельзя.

– Хм, только по решению суда продавать? – ухмыльнулся мужчина.

– Да, – тихий голос воспитательницы. – Как раз сегодня были смотрины.

– Я в курсе.

– Как раз его одного и выбрали.

– А-а, вот в чем дело, даже дети ревнуют, завидуют. Дожили, все хотят отсюда уехать. Но ребенка надо лечить основательно, ведь когда вам надо, вы просите разместить ваших детей в нашей санчасти.

– Да-да, конечно. Но я должна сообщить директору. Даже боюсь позвонить. Что будет?!

– Ради бога, пока не звоните, – настоял врач. – Мы сейчас перевезем пострадавшего, а потом звоните своей Хозяйке.

Вскоре появилась каталка на колесах. Мальчика закутали в одеяло. Вынесли во двор, долго везли сквозь темный лес, потом калитка, снова лес, новое здание, запах лекарств. Ему сделали укол, и не один. Он плакал, и пока обрабатывали ручки и ножки, он так и заснул со слезами на глазах.

А на следующий день, видать, уже ближе к обеду, он проснулся от шума; доктор и Хозяйка о чем-то громко, эмоционально спорили.

– Видите, вы разбудили больного. Покиньте нашу санчасть, сюда вход посторонним воспрещен, – на очень повышенных тонах напирал мужчина.

Испугавшись директора, Мальчик зажмурил глаза, сделал вид, что вновь спит, и вскоре наступила тишина, а он еще долго не раскрывал глаза, пока кто-то осторожно не похлопал его по плечу.

– Просыпайся, – очень ласково, рядом лицо доктора. – Мы пригласили главного специалиста области по ожогам. Да и кушать пора.

При обработке ран было больно. Зато потом его кормили с рук, и как кормили, почти всем миром: шесть бабушек, которые лежали с ним в палате. И, может быть, Мальчик этого еще и не понимал, оказывается, одна лесопарковая зона была поделена забором на две части: на одной – детский дом, на другой – дом для престарелых, где Мальчик себя чувствовал очень хорошо, если бы не споры самих бабулек относительно его судьбы. Одни утверждали, что ребенку гораздо лучше уехать в Америку, другие рьяно это отвергали. И как продолжение этого, через пару дней явились все, в том числе и «иные» люди, правда, теперь они не улыбались, а были очень озабоченные, но к Мальчику не прикасались.

– У нас решение суда, и этот ребенок их, – со взбухшими на шее венами напирала Хозяйка.

– Знаю я ваш суд, самый «гуманный в мире»! – со злостью кричал доктор. – Всю страну продали, теперь и за детей взялись, генофонд! Под корень рубите! Вон! Вон из моей санчасти, с нашей территории!

– Вон! Вон! – теперь уже дружно поддержали и больные бабушки.

После этого еще день-два была тишина. А Мальчик уже пошел на поправку. И хотя ходить ему еще не разрешалось, но на постели прыгал он как хотел, и уже скучно стало ему среди бабушек, хоть в колонию возвращайся.

И если днем еще терпимо, то вечером все бабульки куда-то гурьбой уходят, и такая тоска, аж жуть, к тому же из коридора доносится почти каждый вечер какая-то до боли знакомая, щемящая сердце мелодия. И он уже не первый вечер к ней прислушивается и почему-то непременно свой город, свой «Детский мир» и своих родителей со слезами вспоминает. А на сей раз мелодия до того знакомая, тянущая прямо за душу, что он не стерпел, хоть и строго запрещено, сполз с кровати и буквально на четвереньках пополз из палаты. А там дощатый коридор с картинами на стенах и более просторный холл, где сидят престарелые люди, и что он видит?! На небольшой сцене – пожилая женщина со скрипкой.

– Учитал! Бабушка Учитал! – изо всех сил закричал он.

Этот вечер, пока он не заснул, она сидела с ним. И утром, когда он проснулся, – она, улыбаясь, рядом. И так ему радостно, хорошо, как давно-давно не бывало. А еще через пару дней ему уже разрешили не только встать, но даже и обувь надевать. И все вроде бы хорошо, да вновь скандал, только Мальчик этого уже не видел. Где-то на подступах к дому престарелых штурм, с судебным приставом и с милицией. Все бабушки и дедушки стали стеной; «инородцев» в свой дом не пустили.

И в тот же день, уже к вечеру, у кровати Мальчика расширенный «консилиум» – здесь почти что все сотрудники и обитатели дома престарелых, и все смотрят на Мальчика.

– Ты как хочешь, – наконец тихо у него спрашивает доктор, – туда, где «благодать», или еще как?

– Учитал! Учитал! – прильнул Мальчик к бабушке. – Домой хочу, домой! Там, где «Детский мил», где вы меня учили.

– Там ведь война.

– Там уже ждут меня мои папа и мама. Там «Детский мил» и там мой дом.

– Мой дом тоже там, – тихо прошептала бабушка Учитал.

– Да, да, наш дом там, – жалобно сказал Мальчик, схватил морщинистую руку бабушки и поцеловал.

В тот же вечер доктор привез для Мальчика новую теплую одежду, обувь и уже ночью он же их отвез на вокзал. Ехали на поезде, потом на другом и на автобусах. И оказалось, что это не так близко, как на карте виделось. И тем не менее через двое суток, тоже к вечеру, они добрались до Грозного. И этот город был не сказочный и словно не родной. Все разрушено, грязь, мусор, людей мало – и те какие-то хмурые, настороженные, прибитые. Осень в разгаре, идет мелкий дождь, а они – бабушка с рюкзаком на спине, с футляром для скрипки в одной руке, другой держит Мальчика – все стоят на так называемом вокзале и не могут ничего понять, будто в чужом городе, и все здесь действительно иное.

Лишь надвигающаяся страшная ночь заставила бабушку тронуться. Кругом мрак, блокпосты, хмурые люди с оружием, а улиц не узнать, еле-еле по памяти. И все же до Первомайской они дошли. Дом бабушки полностью разрушен и соседние тоже, и во всех разбитых окнах мрак, ужас.

– Пойдемте ко мне, – почему-то не унывает Мальчик, – там меня ждут мама и папа.

Выбора не было. Уже в густых сумерках они тронулись в сторону Сунжи. Здесь та же картина, «Детского мира» давно нет, и уже Мальчик в темноте тащит бабушку.

– Вот наш дом, – они вошли в сырую, темную, продуваемую арку. – А вот наш подъезд, – будто по нюху ориентируется Мальчик.

А подъезд хоть и разбит, да кое-как ухожен, и видно – здесь ходят, и даже веет жилищем, теплом. Из-за прыти Мальчика чуть ли не бегом взошли на второй этаж. У закрытой металлической двери – мокрая тряпочка, свежие следы.

– Папа, мама! Я велнулся! Откройте, – застучал Мальчик.

Дверь открылась.

– Тетя Ложа? – удивился ребенок.

– Кјант, дашо Кјант², – женщина села на колени, обняла Мальчика, дрожа тихо заплакала.

² Кјант, дашо кјант! (чеченс.) – Мальчик, золотой мальчик (сын, ребенок, молодец).